

"Чжао Саньлань, моей старшей сестре очень нравится этот набор украшений!" громко крикнула вторая леди семьи Ван, после чего ее обняла женщина в фиолетовой одежде.

Несмотря на то, что женщина была в маске, она все равно не могла скрыть своей несравненной красоты. Чжао Иньфэн на мгновение растерялась, ничего не ответив, потрогала свой нос, а затем посмотрела на Ян Чжао.

Это явно для них двоих.

Слуга принес два крепких лука, которые не были похожи на те, из которых только что стреляли в мальчиков. Эти два лука были трехкаменными, и мальчики не могли их оттянуть.

Чжао Иньфэн взял лук в руку и улыбнулся Хань Мянью: "Господин Хань, если мы оба справимся, что вы будете делать?"

Хань Вэй улыбнулся и сказал: "У нас есть три набора сокровищ городской лавки. Если три человека дойдут до него, то три набора будут отданы".

Как только прозвучало это замечание, началось обсуждение.

"Я хочу этот набор". Ян Чжао также взял в руки еще один лук. Этот набор, естественно, был приготовлен Лин Цинъю для него, как бы он не хотел его забрать.

"Хорошо, ты первый". Чжао Иньфэн пожал плечами и сказал.

Ян Чжао натянул тетиву рогатки, достал из колчана десять стрел, а затем прошел несколько шагов вдоль красной линии перед проекционной платформой, встал в позицию и медленно оттянул лук.

Люди вокруг него бессознательно сделали два шага назад, чтобы избежать невидимого боевого духа.

Ян Чжао был высоким и стройным, с красивым лицом. Сейчас он открыл свой лук и стрелы, его боевой дух был яростным, а кровь из железа и крови выходила естественным образом. Другие не знали, что сердце и печень Лин Цинъю подскочили в два раза.

Казалось, что это было всего лишь мгновение. После того, как лук Ян Чжао был полностью натянут и на некоторое время остановился, стрелы в его руке выстрелили как бусины, пройдя через середину Мерлина по прямой линии, и одна за другой вонзились в красное сердце маленькой мишени.

Стрела Ляньчжу!

Даже если использовать Ян Чжао в качестве врага, вы не сможете остановить крики аплодисментов.

Чжао Иньфэн снова потрогал свой нос, сложность этого действительно немного высока, но сдача в это время не будет означать, что он потеряет свою репутацию номер один в Бяньцзине?

Ян Чжао положил свой лук и сдал позиции.

Бабушка, если я опозорюсь, то сегодня же пойду доставлять неприятности этим освистывающим ****! Чжао Иньфэн в сердцах пробормотал, свирепо посмотрел на молодых

мастеров семьи Ван Цао, а затем достал из колчана десять стрел, прошел несколько шагов перед красной линией и встал на позицию.

Слегка прикрыв глаза, Чжао Иньфэн натянул лук и собрался выстрелить, но, увидев мишень на лодке, чиркнул, не выдержав силы десяти стрел, и сразу сломался.

Вслед за этим в воздух мало-помалу взлетели похожие на перья снежинки.

Чжао Иньфэн был немного ошарашен.

"Снег идет, почему бы тебе не отдохнуть в теплом доме". Хань Мянью поспешил вперед.

"Да, наслаждаться сливами на снегу, готовить вино и распевать стихи, иди и иди, Сабуро, иди и выпей два бокала с братом". Фань Инь подсадила Чжао Иньфэна и сказала.

Внезапно все, кто назывался друзьями и подругами, вошли в теплый павильон.

Ян Чжао передал шкатулку Линь Цинъюй. Линь Цинъюй взял ее, подумал, подошел к госпоже Чэн, которая ждала Чэн Цзя в Мэйлине, и сказал: "Госпожа Чэн, маленькая девочка хочет обменяться с вами призами, хорошо?".

Чэн Юйцин на мгновение взяла в руки заколку, которую ей дал Чэн Цзя, и неосознанно оглянулась на Чэн Цзя.

Чэн Цзя посмотрел на Ян Чжао, который следовал за Линь Цинъюй, его глаза слегка опустились, а затем он сказал: "Раз мой брат отдал его тебе, значит, он твой".

Чэн Юйцин на мгновение потерял дар речи. Синь сказал: "Старший брат, этот набор украшений такой драгоценный, очевидно, что они будут дарить подарки, хорошо, ты имеешь в виду, позволь мне взять его?"

Линь Цинъюй закрыл коробку и вложил ее в руку Чэн Цзя.

Он взял заколку из рук Чэн Юйцин и сказал: "Госпожа Чэн достойна только этого предмета. Линг не хочет позволить другим осквернить его. Пожалуйста, госпожа Чэн".

Чэн Юйцин была ошеломлена, а затем с улыбкой сказала: "Тогда большое спасибо, Линг".

"Теплый павильон Линь Дань очень удобен, почему бы нам не пойти к ней". Прежде чем Линь Цинъюй и Чэн Юйцин ответили, Чэн Цзяси отправился в теплый павильон Линь Цинъюй.

Чэн Юйцин была ошеломлена на мгновение, но все же последовала за ним. Рот Линь Цинъюй открылся. Если бы он возразил, то упустил бы возможность сказать, поэтому он мог только последовать за ним. Ян Чжао приостановился, увидев, что все уже почти вошли в теплый павильон, и вышел. Сделав несколько шагов, он медленно последовал за ним.

Хотя он находится в самой глубине, здесь гораздо теплее, чем в других теплых помещениях, а на столе стоит каша на пару.

Увидев, что ее брат сидит на стуле, мягком, как кости, Чэн Юйцин улыбнулась и сказала: "Брат, это не дом".

"Все в порядке, мастер Линг не будет возражать". Чэн Цзя уступил половину мягкого дивана и сказал.

Линь Цинъюй, который открывал занавеску и входил, с черным лицом, сел на мягкий диван напротив него и сказал: "Да, на моем собственном участке не так сдержанно." Откинувшись на мягкое сиденье мягкой кушетки.

"Мастер Линг знаком с генералом Яном?" спокойно спросил Чэн Цзя, посмотрев на Ян Чжао, который стоял снаружи вместе с Янь Санем.

"Наша семья Линг поставляла пайки для Хэйшуйгуань, мастер Чэн об этом не знает, верно?" Линь Цинъюй наполнил небольшую миску кашей и передал ее Чэн Юйцинь.

"Просто так?" Чэн Цзя кивнул, показывая, что он хочет этого.

"На что ты надеешься?" Линь Цинъюй неохотно предложил ему миску и сказал.

Глаза Чэн Цзя стали еще глубже, он сделал глоток каши и сказал: "Ян Чжао попросил у святого в храме указ о женитьбе на своей спасительнице".

"Правда? Поздравляю его". Линь Цинъюй тоже поставил себе миску и негромко сказал.

Чэн Юйцинь взглянула на него, сняла маску и спокойно выпила кашу.

"Мастер Линг..." позвал Чэн Цзя.

"Разве ты не устал?" Линь Цинъюй прервал его, сказав: "Да Чжоу сейчас в гражданском раздоре, но все еще хочет разрушить Великую стену и позволить иностранным врагам вторгнуться?"

Чэн Юйцинь очень элегантно вытерла уголки рта, встала и сказала: "Сестра Мэй все еще ждет меня, брат, я пойду первой".

После ухода Чэн Юйцинь в павильоне Нуань наступила тишина, и Чэн Цзя сказал: "Что за неминуемые гражданские распри?"

"Сколько сейчас составляет налог? Сколько основных домохозяйств? Сколько клиентов? Сколько скрытых домохозяйств? Каждый год стихийные бедствия, сколько беженцев каждый год? Неважно, кто император Великого Чжоу, народ Великого Чжоу - это в основном народ. Если люди не могут получить достаточно пищи, если у вас нет теплой одежды, у вас нет места, где жить, и у вас есть проблемы с выживанием, является ли основа Да Чжоу все еще стабильной?" Сказав это на одном дыхании, Линь Цинъюй слегка кашлянул, пожал руку Янь Сану, который наклонился и сделал глоток каши. Подавив прилив крови к груди, он сказал: "Мирные переговоры? Мир, купленный за деньги, никогда не продлится долго, будь то государство Ляо или партия, которая хочет отказаться от жира Да Чжоу, есть военные генералы, которые могут сражаться сейчас в Да Чжоу. Сколько? Вы хотите только помешать генералу Яну поддержать солдат, так подумали ли вы когда-нибудь о том, на кого вы будете опираться, чтобы противостоять иностранным врагам, когда иностранная армия будет разбита? Те юные леди на улице, которые даже не умеют держать лук? Стихи и картины стоят того. У вас когда-нибудь был стальной нож и железная стрела? Хотя я женщина, Линь Цинъюй, хотя я бизнесмен, я также знаю, что без национальной обороны нет долгосрочной стабильности страны. Чэн, чего ты боишься? "Позор Цзинькана" - это национальный позор, который китайцы никогда не забудут.

В моем мире гибель династии Сун можно даже назвать катастрофой для народа Хань. Раз уж я

здесь, я не хочу, чтобы этот момент повторился.

Чэн Цзя замолчал и некоторое время говорил: "Это Цзя недальновидно".

"Это не неожиданно, но ты просто не хочешь об этом думать". Линь Цинъюй сказал равнодушно, этот человек так умен, как он может не видеть эти кризисы, просто как ученый, инстинктивные генералы сопротивления имеют большую силу.

После непрерывного произнесения этих слов Линь Цинъюй только почувствовал прилив Ци и крови, а затем снова закашлялся.

"Глава дома." Янь Сань ворвался, достал маленькую таблетку и набил ей рот, затем налил ей стакан воды и сказал: "Доктор Ши хочет, чтобы ты меньше говорила?".

Линь Цинъюй проглотил таблетку, успокоил дыхание, улыбнулся и сказал: "Все в порядке. Это еще и потому, что я знаю, что мастер Чэн может меня выслушать".

Видя, что с ней все в порядке, Янь Сань взглянул на Чэн Цзя и вышел.

"Цзя Вэй сказал легкомысленно, даже если он и подумал об этом, то ничего не смог сделать". Чэн Цзя горько улыбнулся.

"Традиция системы такова", - кивнул Линь Цинъюй и сказал: "Военные бедствия всегда были тем, чего ученые боятся больше всего, но, на мой взгляд, хаос пяти зверей - это настоящее бедствие".

"Я буду искать возможности поговорить с отцом". Чэн Цзядао.

"Я действительно хорошо отношусь к генералу Яну", - Линь Цинъюй опустил глаза и легкомысленно сказал: "Мастер Чэн должен хранить секрет".

"Почему?" спросил Чэн Цзя с улыбкой на губах.

"Мастер Чэн, я верю, что вы поступаете справедливо по отношению к стране, но ваш отец стареет". Линь Цинъюй сказал, что люди стареют, долгое время остаются на чиновничьих постах, и в них запутываются всевозможные силы. Многие решения будут не такими простыми. Кроме того, появляется больше щепетильности. Люди, которые смогли провести крупные реформы с древних времен, - это люди с твердым и настойчивым умом. Они обладают большой мудростью и не поддаются чужому влиянию.

Чэн Сян может предложить 200 000 таэлей серебряных пряностей, чтобы купить императора. Это будет не Шан Ян Ван Аньши и ему подобные.

Никогда еще сердце Чэн Цзя не билось так сильно, эта женщина!

"Глава дома", - окликнула Бай Вэй из павильона Нуань, потому что она быстро подбежала, ее голос все еще был запыхавшимся, и сказала, "Что-то случилось впереди".

Линь Цинъюй взял маску кролика и надел ее. Янь Сань уже вошел и накинул на нее большой плащ, а затем поспешно вышел из теплого павильона.

Если бы это не было важным событием, Хань Янь не пришел бы ее искать.

Я поспешила в несколько мест и увидела группу людей, собравшихся перед консерваторией у

озера. На одной стороне было больше людей с членами семей обычных чиновников в относительно обычной одежде, а на другой стояла очень дорогая дама. Это Ван Цзинлань, вторая леди семьи Ван.

"Как получилось, что эта заколка стоит двести таэлей серебра? Почему ты, маленькая дочь чиновника шестого ранга, можешь себе это позволить?" Ван Цзинлань держала в руке золотую заколку и с презрением спросила женщину напротив нее.

"Я же говорила тебе, что все товары здесь можно выключить. Сестра Цинь сама набросилась". Госпожа Мэй Цзя, носящая маску поросенка, сердито сказала, затем сняла маску и сказала: "Почему ты не можешь наброситься на себя? Почему не обвиняешь других? Разве семья Ван не богата? Просто купи его".

"Гуаньпу?" Ван Цзинлань холодно улыбнулся и сказал: "У нее удача. Она сбила пять золотых заколок подряд? Это стоит тысячу таэлей серебра. А что, возможно, вы с этой семьей Линг сговорились? Кстати, твой отец не из храма Синонг. Не надо никакого сговора".

"Как ты можешь быть такой оскорбительной!" Госпожа Мэй покраснела от гнева и сердито сказала.

Тут возникла конфронтация, и госпожа Цинь спрятала лицо и побежала к озеру. Прежде чем все успели отреагировать, она ударилась и прыгнула в озеро.

Это маленькое озеро изначально было замерзшим.

Чтобы выглядеть хорошо, Хань Янь специально попросил кого-то выбить лед. Хотя озеро было небольшим, вода была очень глубокой. После того как мисс Цинь прыгнула вниз, макушка ее головы исчезла.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2522604>